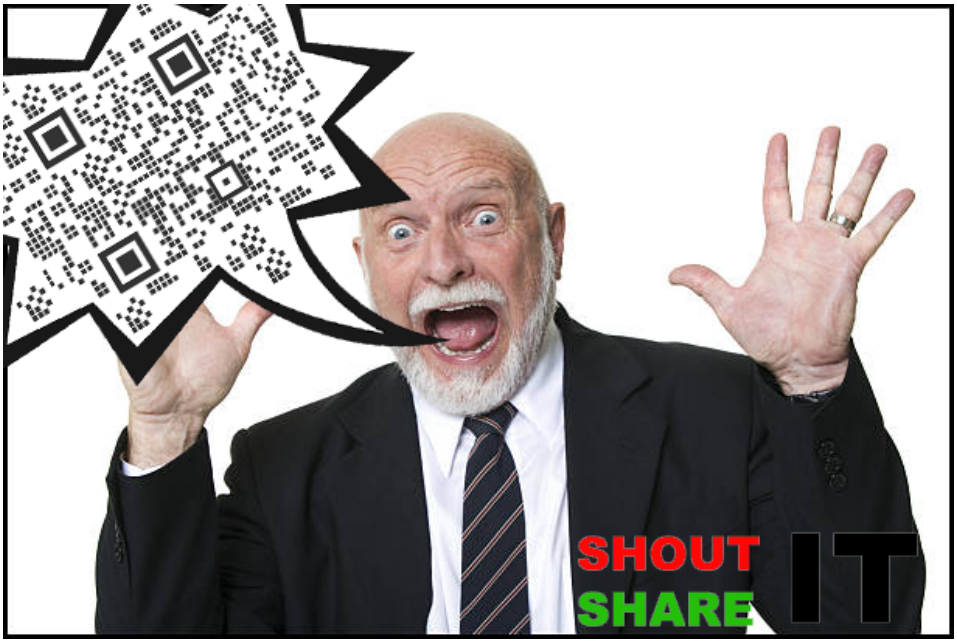
Владимир Свержин

Амбула

Часть сборника
От легенды до легенды (сборник)


SHOUT
SHARE
IT

Annotation

«…– Любезный юноша! – вдруг раздался откуда-то сверху тихий женский голос. Слышалось в нем шуршание осенней листвы, потревоженной Бореем, богом северного ветра. – Сделай милость, подай клубочек – вот незадача, куда-то вниз укатился.

Парис удивленно поглядел вверх, откуда доносился призыв о помощи.

На уступе скалы, локтях в двадцати над головой троянского принца, скрестив ноги, расположилась, всматриваясь в растущие у подножья скал кусты, сухонькая морщинистая старушка…»

- Владимир Свержин
  - ○

Владимир Свержин
(с благодарностью Цунами Сану)
Амбула

Смоквы, именуемые восточными дикарями инжиром, были

очень вкусными. Парис забросил в рот сочный плод и с удовольствием ощутил его сладость.

«Жизнь – отличная штука, – разгрызая попавшую на зуб косточку, подумал он. – А когда ты – царский сын в благословенной земле, так и вовсе замечательная!»

Юный охотник поднял глаза в небесную синь.

Как восхитительно быть молодым и полным сил, как славно вместе с братьями мчаться на колесницах, запряженных быстроногими парфянскими жеребцами, как весело пускать стрелы в переполошенную дичь! «Еще один удачный выстрел!» Впрочем, разве дело в этих птицах? Его пальцы трепещут от азарта, когда уходит с тетивы круторогого лука легкое оперенное древко с бронзовым наконечником.

– Любезный юноша! – вдруг раздался откуда-то сверху тихий женский голос. Слышалось в нем шуршание осенней листвы, потревоженной Бореем, богом северного ветра. – Сделай милость, подай клубочек – вот незадача, куда-то вниз укатился.

Парис удивленно поглядел вверх, откуда доносился призыв о помощи.

На уступе скалы, локтях в двадцати над головой троянского принца, скрестив ноги, расположилась, всматриваясь в растущие у подножья скал кусты, сухонькая морщинистая старушка. Пряди ее серебристых волос были забраны в аккуратный узел на затылке, скрепленный золотым гребнем.

«Как же она забралась туда? – удивился царевич. – На бродяжку не похожа…»

– Быть может, помочь тебе спуститься, почтеннейшая?

– Не надо, добрый мальчик. Клубочек мой отыщи. Без труда найдешь, к нему нитка тянется.

Парис наклонился, выискивая среди густой травы пропажу. Клубок отыскался быстро. Парис достал его из-под молодой ракиты и почувствовал неожиданную тяжесть, будто и не пряжа вовсе, а свинцовое ядро для пращи оказалось в его руке.

«Странная вещь. Нить какая-то необычная. Здесь – золотистая, вот тут – точно кровью запятнана. Кое-где – черная, где-то – белая…»

– Ну что? Отыскал?

– Отыскал. – Юноша поднял над головой клубок. – Не волнуйся, добрая женщина. Я сейчас к тебе поднимусь. – Он смерил взглядом скалу, пытаясь сообразить, как взобралась туда старушка.

Сквозь камень пробивались молодые деревца. Из трещин удивленно следили за происходящим большеглазые ящерицы. Камни услужливо подставляли выпуклые, согретые лучами бока

под сандалии, но все это для него – пышущего молодостью и силой, а не для седовласой женщины, которой он годится даже не во внуки – в правнуки!

Парис едва смог стереть тень удивления со своего прекрасного лица и начал подъем.

– Вот спасибо, – улыбнулась хозяйка клубка, принимая из рук царского сына утраченное было сокровище.

– Не стоит благодарности, моя госпожа.

– Поверь, стоит, – добродушное лицо старушки вдруг стало суровым. – Ты говоришь так, потому что тебе не дано предвидеть, чем обернется всякое твое деяние. С этой минуты, Парис, ты будешь ЗНАТЬ. Это тебе мой дар, моя благодарность.

– Вам известно мое имя? – удивился было царевич, но тут из затянутой облаками горной выси послышались звонкий щелчок ножниц и недовольный окрик:

– Лахесис, скоро ты там?

– Иду, Атропа! Возвращаюсь, дорогая сестрица.

Не успели эти слова отозваться голосом насмешницы Эхо, как древняя вещательница исчезла, оставив Париса стоять, оглядываясь, на уступе скалы.

– Клото, Лахесис, Атропа? – Пораженный, юноша вглядывался в высокое небо. – Великие мойры?! Три сестры, прядущие, отмеряющие и пресекающие нить человеческой жизни… Так вот что это был за клубочек!

Парис невольно поежился. «Я держал в руках чью-то судьбу. Быть может, я удлинил на минуты чьи-то страдания. Или, наоборот, – дал время для последнего слова, поцелуя…»

Ему захотелось поскорее оказаться дома, найти любимого брата Гектора, рассказать ему… Цепляясь за ветви, он начал спускаться и уже почти достиг цели, как за его спиной послышалось:

– Будь славен, царский сын Парис. Ты строен, будто Кипарис. Твой зорок глаз и ясен ум. Судьею будешь, ergo sum. Нет. Ergo sum сюда не пойдет. Это звучная латынь. До нее человечество еще не доросло.

Парис едва не разжал пальцы, которыми держался за ветку.

– Ладно. Нет времени что-то придумывать, – между тем раздавалось за его спиной. – Парис, заклинаю тебя по-божески, спускайся пошустрее. Не заставляй прекрасных дам ждать.

Царевич оглянулся. Златокудрый юноша в белой как снег тунике и птицелетных сандалиях почесал за ухом окрыленным золотым жезлом, вокруг которого извивалась пара шипящих змей.

– Что ты уставился? – Юноша отправил себе в рот спелую смокву. – Ну да, я Гермес. Вестник Самого. Погоди кланяться,

скала под носом. Сначала на землю спустись. В общем, так. Чтобы не терять времени, пока ты там уподобляешься игуане, ввожу тебя в курс дела.

Зевс избрал тебя судьей. Какой нектар ему в голову ударил – не спрашивай. Не знаю. Это не мое и уж тем паче не твое дело.

У нас тут недавно была одна шумная свадьба… Ну, помнишь, когда у вас реки внезапно из берегов повыходили. И вот одна старая грымза, не буду называть ее имени (еще, чего доброго, услышит), в отместку, что ее не позвали, бросила на стол золотое яблоко с надписью «Прекраснейшей». Оно вроде съедобное, но все же золотое.

И вот наши первые красавицы переругались между собой из-за этой безделицы. Только что в волосы друг дружке не вцепились. Свет им не мил – вынь да положь, каждая требует главный приз себе. Зевса в конце концов достала вся эта бодяга. Тут-то Громовержец в тебя пальцем и ткнул. Еще скажи спасибо, что пальцем, а то мог бы и молнией!

Париса охватило странное, неведомое ему дотоле тяжелое предчувствие.

– Так что спускайся, – продолжал Гермес. – Будешь сейчас решать, кому это яблоко достанется.

Царевич ступил на землю.

– Но… Богини… Я недостоин… Не смогу…

Возмущенные змеи, обвившие золотой жезл вестника богов, предостерегающе зашипели.

– Парис! Ты сам-то понял, что лепечешь? Как это не сможешь, если Зевс приказал, чтобы это сделал именно ты? Давай, шевели сандалиями.

Гермес подтолкнул сына троянского царя кадуцеем в бок:

– Ступай за мной.

Богини смотрели на обалдевшего юношу, а тот лишь открывал и закрывал рот, не в силах даже произнести слова приветствия. Нагие тела их были безупречны, и не было ни слов, ни красок, чтобы передать красоту, представшую взору Париса.

– Царе-е-вич! – Гермес потрепал юношу по плечу. – Перестань хлопать глазами. Яблоко – вон. Богини перед тобой: слева Афродита, справа Афина, по центру – Гера, если еще сам не дотумкал. А я полетел, у меня дел невпроворот. Зевс проснется – свежей амброзии нет, – вот тут-то конец света и грянет. Да и ты, парень, не затягивай. Всех-то забот – фрукт пристроить.

Гермес поднял кадуцей – ключ, открывающий Врата миров, повернул его, словно отпирая замок, и тут же исчез. Лишь трава шелохнулась там, где мгновенье назад ее касались крылатые

сандалии.

Парис глядел во все глаза, вцепившись в золотое яблоко, как утопающий в обломок мачты.

Он поглядел на Афродиту, богиню любви и красоты – вечно юную и вечно манящую. Длинные золотистые волосы спускались на гладкие белые плечи, струились по точеным бедрам, легкими прядями закрывали высокую грудь, зовя отбросить и этот последний невесомый покров. Матовая упругая кожа будто светилась изнутри, обещая бездну наслаждений при легчайшем касании. Нежные губы, чуть приоткрытые в шаловливой улыбке, звали бросить все и прильнуть к ним, упиться негой. Ярко-синие глаза лучились солнцем, согревали, влекли к себе…

– Выбери меня, – услышал Парис ласковое воркование, хотя был готов поклясться, что богиня не промолвила ни слова. – Ведь каждому, имеющему глаза, ясно, что я прекраснейшая. Была, есть и буду вечно. Выбери, и я подарю тебе любовь самой неземной из всех земных красавиц.

Парис с трудом подавил странный хрип, похожий на стон, и поднял руку, намереваясь протянуть яблоко Афродите…

И вдруг будто туман заволок поляну, и сквозь дымку испуганный царевич увидел побережье у стен родной Трои, чужие корабли, огромный лагерь под городскими стенами, обезображенное тело любимого брата. Отец, гордый царь Приам, вымаливал у врага труп Гектора. Увидел гигантского деревянного коня, которого троянцы, должно быть, лишившиеся разума, сами вкатывают в город через пролом в стене. Он видел вражеских воинов, среди ночи выходящих толпой из чрева коня. Пылающая Троя была перед его глазами.

«Ты говоришь так, потому что не дано тебе предвидеть, чем обернется всякое твое деяние. Теперь же ты будешь ЗНАТЬ. Это тебе мой дар, моя благодарность», – вспомнились царевичу слова мойры.

И Парис отшатнулся от богини любви, будто Тифон, чудовище бездны, предстал вдруг перед ним.

– Ты выберешь меня! – услышал он другой голос, непререкаемо властный. – Я – прекраснейшая! Выбери, и не будет в мире полководца, который сможет противостоять тебе. Из края в край пронесется твоя колесница, и народы склонятся перед великим победителем. Так говорю я, Афина! Слово мое – закон.

Парис осторожно перевел взгляд на вторую соискательницу драгоценного плода. Обнаженное тело ее дышало силой. Гордо посаженная голова с аккуратно уложенными, черными, как безлунная ночь, волосами была прекрасна строгой безупречной красотой, перед которой хотелось преклонить колени. Даже

нагота была не в силах победить этой внутренней строгости, словно Афина была облачена в невидимый бронзовый панцирь. Парис еще раз оглянулся на Афродиту, вспоминая воинов с обнаженными мечами, выходящих из чрева деревянного коня, пылающую Трою, и протянул было яблоко чернокудрой богине…

Туман вновь сгустился перед его глазами, и Парис увидел коленопреклоненных мужей в диковинных драгоценных одеждах. Лица их были печальны, глаза хранили следы недавних слез. Незнакомцы склонялись пред завоевателем, слагая к ногам оружие.

– Вот и еще одна страна у моих ног, – устало, даже с каким-то внутренним раздражением произнес он, оборачиваясь к одному из своих военачальников. – Как скучно. Что там впереди?

– Море, государь мой. Только море.

– Я велел отрядить корабли, чтобы узнать, есть ли земля там, за этими водами.

Он не договорил. Расталкивая стражу и пленных, к трону Париса прорывался запыленный гонец.

– Пропустите его! – вставая, скомандовал грозный полководец. – Я знаю тебя. Ты Целий, сын Митарха, колесничий моего брата Гектора.

– Да, мой повелитель, я был им. – Гонец черной вести устало пал на колени и склонил голову, точно подставляя ее под удар. – Должно быть, я первый, кто добрался до тебя, и, вероятно, единственный.

– Ты сейчас из Трои?

Серое лицо колесничего почернело.

– Три десятка гонцов посылал к тебе Гектор. По одному каждый день, пока держалась Троя. Я был последним. На тридцатый день осады взбунтовавшиеся ахейцы, лидийцы, фракийцы и все прочие, кто пришел с ними, ворвались в город… Парис, мир пылает за твоей спиной. Два года я добирался сюда, на край света. Два года искал твое победоносное воинство. Реки крови указывали мне путь, и объевшееся воронье было моим спутником. Я видел сотни мятежей и десятки восстаний там, где пронеслась твоя колесница.

Ты победил всех, но Трои больше нет. Пожар семь дней пожирал ее. И не было никого, кто мог бы его потушить. Сердце мое разорвано в клочья. Ибо видел я, как ликовали мятежные ахейцы, влача тело брата твоего Гектора за царской колесницей. Теперь можешь казнить меня. Я исполнил свой долг.

Парис закусил губу и повернулся к ждавшим приказа военачальникам:

– Возвращаемся!

И тут один из коленопреклоненных царей – ступеней у трона повелителя – вдруг распрямился, хватая лежащий в куче сваленного оружия меч. Короткий взмах – мир вспыхнул и померк в очах Париса…

– Вот видишь, – услышал он новый женский голос, – любовь и военная слава – ничто, суета. Лишь власть – единая непререкаемая власть – имеет значение! Посмотри на Зевса. Разве мой супруг не любим всеми, кого он только пожелает? Разве есть войско, способное противостоять ему? Но даже Зевс выбрал меня! Так что не сомневайся, Парис. Только я заслуживаю золотое яблоко, ибо я прекраснейшая.

И Парис обратил свой взор на Геру, самим владыкой Олимпа избранную в жены. Все в ней дышало покоем и внутренней силой – не той, которая гордится рельефной мускулатурой, но той, перед которой покорно склоняются любые силачи. Улыбка на ее мягком и в то же время величественно-прекрасном лице была полна мудрости и знания жизни, которых, пожалуй, недоставало ее соперницам. Царевич вздохнул, не выпуская из рук яблока, и вновь туман сгустился перед ним. И сквозь него, становясь все четче, начали проявляться новые картины.

Шестнадцать слонов, запряженных попарно, под звуки кифар и цимбал влекли за собой настоящий дворец на колесах. По царской дороге, по которой колесницы могли промчать слева и справа от дворца владыки мира, не зацепив его упряжью, сегодня было не проехать. Цари и наместники подвластных великому Парису земель сопровождали его до запретного края. Кони, верблюды, слоны, колесницы, возы обозов, тысячи тысяч людей разных стран и языков следовали за повелителем от самого Вавилона до берегов Геллеспонта.

– Великий государь! Нынче пришла весть от командующего твоим флотом Одиссея.

– Мой друг Одиссей уже достиг Оловянных островов?

– Да, о величайший из великих. Он сообщает, что олова там и впрямь много, но сами острова заселены воинственными дикарями. Эти дикари раскрашивают лица и тела свои яркими красками и оттого называемы пиктами. Увидев корабли, они было изготовились к бою, однако, услышав благословенное имя Париса, возрадовались и устроили пир для самого Одиссея и его людей.

– Хорошо, – кивнул владыка. – Что еще?

– Владыка нубийских земель шлет тебе, светоч вселенной, изъявление своей покорности и прекраснейших дев своей земли.

– Дев, – усмехнулся Парис, оборачиваясь к придворному лекарю. – Асклепий, друг мой. Ты еще не придумал зелья,

которое напомнит мне, зачем нужны прекрасные девы?

– Я придумал много зелий, друг мой Парис. Но ни одно из них не может обратить годы вспять.

– Из стран Желтого царя…

– Покорность, покорность, покорность, – скривился владыка владык, жестом приказывая чтецу замолчать. Тот согнулся в глубоком поклоне с видом, полным радости и начисто лишенным подобострастия, так, словно короткое царское движение сделало его навеки счастливым.

– Идите все прочь, – тихо выдохнул Парис. – Ты, – он указал на юношу, чудесным образом похожего на него самого лет шестьдесят тому назад. – Ты останься.

Юноша приблизился к трону.

– Я по глазам вижу, что ты о чем-то хочешь спросить меня, дорогой внук.

– Да, мой великий дед.

– Ну так спрашивай.

– Прости мне мою пытливость. – Юноша замешкался, подыскивая слова. – Мы едем в земли, которые ты сам некогда объявил запретными.

– Да, это так.

– И с тех пор ни один человек не пожелал обосноваться в этом краю.

– Истинная правда.

– Зачем же мы едем туда?

– Я еду туда. Только я. Вы остановитесь у границы, а затем отправитесь назад.

– А ты?

– Я пойду скорбеть и умирать на пепелище.

– Пепелище? Ты прежде не рассказывал о том, что связывает…

– Прежде я не собирался умирать, – горько усмехнулся Парис, обрывая речь внука. – Там некогда стоял город. Великий город – Троя. Мой отец Приам был его царем. А Гектор, чье имя ты носишь, – братом. Я очень любил отца, брата и этот город.

Впрочем, кто его знает, что такое любовь…

Парис умолк, склоня голову. Затем вновь заговорил:

– Однажды я пришел во дворец и сказал отцу, что теперь я буду царем Трои, и тот снял с головы царский венец и с радостью протянул его мне. Я начал править, и это было великое царство. Да, мне приходилось много казнить, но лишь для того, чтобы не канули в Лету мои завоевания и слава моего отечества. Но брат, мой старший брат Гектор не смирился со своим жребием. Он поднял восстание. Первое и единственное за все прошедшие годы.

Я бежал из Трои. А на следующий день на город напал мор. Спустя неделю ни в домах, ни на улицах нельзя было отыскать человека, держащегося на ногах. И тогда я вернулся в Трою и увидел, что никого из них нельзя спасти. Я шел по городу и убивал. Одного за другим, сотню за сотней, тысячу за тысячей. Последнему я вонзил меч в сердце своему брату. По сей день я помню, как он смотрел на меня, умирая.

Владыка владык закрыл глаза.

– Затем я поджег город и приказал слугам моим объявить этот край запретным. И теперь я возвращаюсь туда, откуда ушел. Возвращаюсь, чтобы обратиться в прах средь праха Трои.

– Это страшно, о великий дед.

– Это жизнь, и это власть, мой прекрасный внук.

Туман рассеялся. Парис стоял на полянке, глядя на восхитительных обнаженных богинь, обескураженно переводя взор с одной на другую и мечтая о глотке воды, чтобы освежить пересохшую гортань.

– Ну что же ты, решай! – звучало в его голове. – Решай! Сделай выбор! Я прекраснейшая!

Юноша закрыл глаза:

– Нет. Нет!

Сухой щелчок спускаемой тетивы послышался совсем рядом. Парис вздрогнул. Яблоко внезапно вылетело из его руки.

Глаза царевича распахнулись. Из лесу на полянку шагом легким и изящным выпорхнула девушка, удивительно стройная, в руках изогнутый лук, на тетиве стрела. К икрам ее доверчиво жалась маленькая тонконогая лань.

– Привет. – Девушка улыбнулась одной из тех задорных улыбок, которые валят наземь даже видавших виды героев. – Правда, удачный выстрел?!

– Артемида! Как ты могла? – возмутилась Гера.

– Как всегда, в яблочко – без промаха, – засмеялась прекрасная охотница, и только сейчас Парис заметил, как холодны ее глаза.

– Это нечестно, – обиженно надулась Афродита.

– А не позвать подружку – это честно?

– Но ведь тебе не нужно это яблоко!

– Я не охочусь на яблоки, груши и персики. Но этот дар был нужен вам, а значит, он добыча, вполне достойная моей стрелы.

– Вот по-настоящему удачный выстрел! – зазвенел голосок с противоположной стороны. Из-под смоковницы, раскинувшей ветви над поляной, выглянула еще одна богиня со стрелой в одной руке и расколотым ровно надвое яблоком в другой. При виде лукавой и нежной прелестницы все позабыли о распре.

– И ты здесь, Тихе?

– А как же? Если кто-то надеется на удачу, как же без меня?

Богиня улыбнулась, и Парис осознал, что может век глядеть на эту улыбку и совсем не желает, чтобы Тихе когда-нибудь повернулась к нему спиной.

– Постойте, девочки! – начала Афина. – Вы же слышали, вчера Зевс приказал устроить суд. Мы должны исполнить его волю…

– Суд! Воля! – отмахнулась Артемида. – Вот заладили. Ничто не вечно под моей Луной. Папаша вчера перебрал на свадьбе, вот и придумал такую шутку. Завтра проспится – не вспомнит.

– Ну что? – Юная охотница обратилась к богине удачи. – Как договаривались, пополам?